

УИЛЪЯМ
ШЕКСПИР

УИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

Сонеты

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
Ш41

Серия «Зарубежная классика»

William Shakespeare

SONNETS

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

Шекспир, Уильям.

Ш41 Сонеты : [перевод с английского] / Уильям Шекспир. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-982744-3

Сонеты Шекспира – высочайший из эталонов «высокой поэзии». Историки литературы вот уже несколько веков спорят о них, пытаясь разрешить загадку таинственной «смуглой леди» и юного друга великого поэта, которым они посвящены. О возможной истории создания сонетов написано множество книг, научных и художественных, и снято несколько фильмов. Ну а обычные читатели просто наслаждаются красотой языка Шекспира и страстью его вдохновения, превратившими это собрание сонетов в самый гениальный поэтический цикл в истории мировой литературы.

Данный сборник позволит вам прочитать сонеты Шекспира как в оригинале, так и в разных переводах на русский язык.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

ISBN 978-5-17-982744-3

© ООО «Издательство АСТ», 2017

SONNETS

СОНЕТЫ

TO THE ONLIE BEGETTER OF
THESE INSUING SONNETS
MR. W.H. ALL HAPPINESSE
AND THAT ETERNITIE PROMISED BY
OUR EVER-LIVING POET
WISHETH
THE WELL-WISHING
ADVENTURER IN
SETTING
FORTH

T.T.

Сонет I

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the ripper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding.
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

От избранных существ потомства мы желаем,
Чтоб роза красоты цвела из рода в род,
Чтоб старому, когда к земле он пригнетаем,
На смену возникал такой же юный всход.

А ты, в себя лишь взор блестящий устремляя,
Его огонь живишь из недр своих же благ,
И, где обилие, там голод порождая,
Нешаден к прелести своей, как лютый враг.

Ты, мира лучший цвет и вестник несравненный
Ликующей весны, — хоронишь от людей
В сомкнутой завязи свой жребий драгоценный
И разоряешься от скупости своей.

Не объедай же мир чрез меру и чрез силу,
Чтоб все его добро не унести в могилу.

Перевод В.С. Лихачева

Потомства от существ прекрасных все хотят,
Чтоб в мире красота цвела — не умирала:
Пусть зрелая краса от времени увяла —
Ее ростки о ней нам память сохранят.

Но ты, чей гордый взор никто не привлекает,
А светлый пламень сам свой пыл в себе питает,
Там голод сея, где избыток должен быть —
Ты сам свой злейший враг, готовый все сгубить.

Ты, лучший из людей, природы украшеньё,
И вестник молодой пленительной весны,
Замкнувшись, сам в себе хоронишь счастья сны.
И сеешь вокруг себя одно опустошеньё.

Ты пожалей хоть мир — упасть ему не дай
И, как земля, даров его не пожирай.

Перевод Н.В. Гербеля

Мы красоте желаем размноженья,
Нам хочется, чтоб цвет ее не вял, —
Чтоб зрелый плод, — как все, добыча тленья —
Нам нежного наследника давал.
А ты, плененный сам собой, питая
Твой юный пыл своим топливом, сам
Творя бесплодьё вместо урожая,
Сам враг себе, жесток к своим дарам.
Ты ныне миру вешних дней отрада,
Один глашатай прелестей весны,
В зачатке губишь цвет твоей услады,
Скупец и мот небесной красоты.

Так пожалей же мир, иначе плод
Твоей красы с тобою гроб пожрет.

Перевод М.И. Чайковского

Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят,
Изрыв твою красу, как ниву плуг нещадный,
И юности твоей убор, такой нарядный,
В одежду ветхую бедняги превратят, —

Тогда на тот вопрос, с которым обратятся:
«Скажи, где красота, где молодость твоя?» —
Ужель ответишь ты, вину свою тая,
Что в мраке впалых глаз твоих они таятся?

А как бы ты расцвел, когда б им не шутя
Ответить вправе был спокойно и с сознанием:
«Вот это мной на свет рожденное дитя
Сведет мой счет и мне послужит оправданьем».

Узнал бы ты тогда на старости любовь,
Способную согреть остывшую кровь.

Перевод Н.В. Гербеля

Когда твой лик осадят сорок зим,
Изрыв красу твоей роскошной нивы,
То блеск его, теперь неотразим,
Представится тогда мрачней крапивы.
И на вопрос, где красота былая,
Сокровище твоих весенних дней,
Не прозвучит ли как насмешка злая
Ответ: «В глуби ввалившихся очей»?
Насколько ж будет лучше примененье
Твоих даров, когда ответишь: «Вот
Мой сын, в нем старости моей прощенье»...
И снова лик твой миру зацветет.

Так, стариком, ты станешь юным вновь,
Когда в другом твоя зардеет кровь.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет III

Look in thy glass, and tell the face thou viewest
Now is the time that face should form another;
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unbless some mother.
For where is she so fair whose unear'd womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love, to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime:
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles this thy golden time.
    But if thou live, remember'd not to be,
    Die single, and thine image dies with thee.

Ты видишь в зеркале свое изображенье?
Скажи ему: пора подобное создать;
Иначе у земли ты совершишь хищенье,
У юной матери отнимешь благодать.

Где та красавица, чья девственная нива
Такого пахаря отвергла бы, как ты?
Найдется ли глупец, чтоб скрыть себялюбиво
Во мраке гробовом наследье красоты?

Для матери твоей ты зеркало такое ж,
Она в тебе апрель свой дивный узнает:
Сквозь стекла старости в родных чертах откроешь
Ты также золотой звезды своей восход.

Но, если хочешь ты посмертного забвенья,
То умирай тогда один — без отраженья.

Перевод В.С. Лихачева

Подумай, в зеркале увидев образ свой,
Что должен он в другом созданье возродиться;
А если нет, то мир обманут был тобой
И счастья мать одна через тебя лишится.

Кто б пренебречь дерзнул любовью твоей
Из дев, как ни была б собой она прекрасна,
И грудь могла ль ее так сделаться бесстрашна,
Чтоб захотеть сойти в могилу без детей?

Ты матери своей хранишь изображенье —
И видит вновь она в тебе свою весну.
Ах, так и ты, склоня взор к старости окну,
Увидишь и вкусишь вновь юности волненье!

Но если хочешь быть забытым, милый мой,
Умри холостяком, а с ним и образ твой.

Перевод Н.В. Гербеля

Вот зеркало. Взгляни и отраженью
Скажи: пора преемника создать,
Иначе ты лишишь благословенья
Мир светлый и неведомую мать.
Где та, чья непорочная утроба
Отвергнет радость понести твой плод?
Где тот, кто хочет быть подобьем гроба
В самолюбви, чтоб прекратить свой род?
Ты отблеск матери, верни ж и ты ей
Апрель ее красы. И пусть твой сын
Тебе вернет назад дни золотые
Твоей весны в дни грустные морщин!
Но коль не хочешь памяти людей,
Умри один с наружностью своей!

Перевод М.И. Чайковского

Сонет IV

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free.
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive.
Then how, when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
    Thy unused beauty must be tomb'd with thee,
    Which, used, lives th' executor to be.

О расточительный! Зачем в расцвете юном
На самого себя изводишь ты свой клад?
Природа не дарит, а в долг дает красу нам,
И торовата к тем, кто также тороват.

Прекрасный скопидом, зачем добро чужое,
Тебе врученное, считаешь ты своим?
Безумный ростовщик, зачем тебе такое
Богатство, если жить ты не даешь другим?

Ведь в ростовщичество с самим собой играя,
Красавец, ты себя обманываешь сам:
Наш бранный мир на зов природы покидая,
Какой, скажи, итог ты завещаешь нам?

Краса твоя пойдет в один с тобою ящик,
А не останется, как твой душеприказчик.

Перевод В.С. Лихачева

Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь
Безумно на себя все, что ни получаешь?
Природа не дарит, а лишь займы дает,
И то лишь тем, кто долг свой честно отдает.

Зачем же ты, скупец, во зло употребляешь
Врученное тебе и праздно расточаешь?
Такие суммы, друг, не следует сорить,
Когда и без того едва ты можешь жить!

Имея дело лишь с одним самим собою,
Себя же выгод всех лишаешь ты в борьбе.
Когда ж твой бранный прах покроется землею,
То что благого ты оставишь по себе?

Бесплодной красота твоя сойдет в могилу,
Тогда как по себе ты б мог оставить силу.

Перевод Н.В. Гербеля

Прелестный мот небесных чар, не трать
Сам на себя дары благой природы!
Свободная, она ведь может взять
То, что дарует в долг детям свободы.
И так, зачем ты, красота скупая,
Не отдаешь с щедротой то, что щедро
Тебе дано, без пользы возвращая
Сокровище в сокровищное недро?
Имея дело только сам с собой,
У чар твоих крадешь ты обаянье,
И в день Суда, за гробовой доской
Какое ты предъявишь оправданье?
Бесплодная краса умрет с тобой,
Но, давши плод, останется живой.

Перевод М.И. Чайковского

Сонет V

Those hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very same
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter, and confounds him there;
Sap check'd with frost, and lusty leaves quite gone,
Beauty o'ersnow'd and bareness every where:
Then, were not summer's distillation left,
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it, nor no remembrance what it was:
    But flowers distill'd, though they with winter meet,
    Leese but their show; their substance still lives sweet.

Те самые часы, чьей силой властной
Краса весны так дивно расцвела, —
Как злой тиран, разрушат вид прекрасный
И уничтожат все свои дела.
Не хочет время ждать! Отрада лета,
Глядишь, сменилась скучною зимой,
Замерзла жизнь, нет ни листа, ни цвета,
И спит краса под снежной пеленой.
Да, если б сок цветов мы в плен не брали,
Чтоб сохранить следы весны в стекле, —
С красой бы все дела ее пропали,
Была б она забыта на земле;
Сок извлечен, — и есть предел утрате:
Хоть нет цветов, — есть жизнь в их аромате.

Перевод Н.А. Холодковского

То время, что в труде приятном взор создало,
Который всех теперь влечет и веселит,
Тираном станет вновь, как то не раз бывало,
И прежней красоты навек его лишит.

Затем что время, вслед за уходящим летом,
Приводит из-за гор суровую зиму —
И мерзнет сок в лесу пустынном и раздетом,
А взор лишь видит снег, безжизненность и тьму.

Тогда, мой друг, когда благие соки лета
Не заключил бы рок в стеклянную тюрьму,
Вся красота его погибла б без привета
И превратилась в прах, чтоб погрузиться в тьму.

Но нежный цвет, в экстракт на зиму превращенный,
Теряет внешность лишь, не запах благовонный.

Перевод Н.В. Гербеля

Те самые часы, что нам родят
Прелестный лик, чарующий все взгляды,
Как злой тиран в тиши готовят яд,
Чтоб смыть с лица блеск вешнего наряда.
Ведь время неустанно гонит лето
К убожеству уродливой зимы,
Где снегом все, как саваном одето,
Где листья и цветы — добыча тьмы.
Когда в стенах хрустального фиала
Не жил бы вешний запах и зимой,
То сладость бы его не оживала,
И память бы о нем была немой.

Но, извлеченный из цветов, зимою
Хранит он хоть на вид — их суть собою.

Перевод М.И. Чайковского